

Вячеслав Чирикба

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ: В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ВЫХОДА

«На принципе свободного самоопределения наций настаивает современный мир... Это принцип справедливости для всех народов и национальностей и их права жить на равных условиях свободы и безопасности друг с другом, независимо от того, являются ли они сильными или слабыми».

Вудро Вильсон

Распад Советского Союза, окончание «холодной войны» и появление на карте Европы дюжины новых государств знаменуют переход всемирной истории от биполярного мира с доминированием двух сверхдержав к совершенно новой ситуации, характеризующейся значительным повышением важности внутренних и региональных проблем, включая внутренние конфликты. В Западной Европе быстро растущая интеграция национальных структур в паневропейскую мегаструктуру ведет к существенному размыванию классических определений государства, включая такие «священные коровы», как государственные границы и государственный суверенитет.

Но старые понятия, отражающие предшествующую эпоху «холодной войны» или даже более архаичные периоды истории, по-прежнему доминируют в главнейших международных организациях, включая Организацию Объединенных Наций и Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как представляется, любая действительная реформа ООН, о которых сейчас так много говорят, не должна ограничиваться борьбой с ее бюрократией и неэффективностью, необходимо, что очень важно, чтобы эта главная международная организация повернулась лицом к кричащим региональным проблемам, которые вышли на передний план мировой истории. ООН следует защищать интересы не только признанных правительств, но также и народов, которые управляются, а порой и подавляются этими правительствами, и стать прежде всего организацией для народов, а не для государств. Национальные меньшинства должны занять свое место в структурах ООН и иметь возможность быть услышанными, когда принимаются важные решения или резолюции, которые напрямую затрагивают их интересы. Только из-за равнодушия ООН и ОБСЕ к участи национальных меньшинств многие из них прибегают к насилию как к последнему средству, чтобы добиться своих прав и защитить свои интересы.

Представляется несомненным, что более принципиальный подход ООН к

ситуациям, возникающим в различных частях света, может во многих случаях способствовать преодолению углубления этих кризисов. Если взять для примера Грузию и Абхазию, то возникает вопрос, оправдано ли, что вновь образованная Республика Грузия была допущена в ООН в условиях неразрешенных этнических конфликтов и гражданской войны только потому, что гипотетически демократический лидер возглавил военную хунту, свергнувшую демократически избранного президента? Соответствует ли международным нормам, что этот самый лидер, спустя короткое время после принятия Грузии в ООН, в августе 1992 г. начал широкомасштабную военную кампанию против маленькой Абхазской республики, добивавшейся большей политической самостоятельности. Уже тогда поступало множество сообщений о кровопролитии и нарушениях элементарных человеческих прав, тогда же командующий грузинскими силами в Абхазии в телевизионном обращении открыто пригрозил всему абхазскому населению геноцидом¹, а памятники абхазской культуры подверглись осквернению и Государственный архив и научные учреждения Абхазии были сожжены дотла. На многочисленные обращения в ООН абхазских властей и различных международных, в частности неправительственных организаций, с просьбой вмешаться и помочь остановить насилие со стороны ООН не последовало никакого отклика. И лишь когда «Военный Совет Грузии» (впоследствии Государственный совет) начал терять почву в Абхазии и, предчувствуя неминуемое поражение, обратился в ООН за помощью, он получил немедленный положительный отклик. Правомерно ли, что резолюции ООН постоянно используют пренебрежительный тон по отношению к абхазам и их избранным властям и, как ни парадоксально, относятся к Абхазии как к виновнику, а к тбилисскому правительству, которое начало и вело войну, как к жертве? И такое отношение характерно не только для ООН. В одной из своих резолюций Европейский парламент назвал абхазское правительство «бандитско-террористическим движением»². Этот и многие другие случаи ясно демонстрируют

¹ Главнокомандующий грузинскими силами в Абхазии полковник Георгий Каркаршвили пригрозил в своем обращении к населению Абхазии, показанному по Сухумскому телевидению 25 августа 1992 г., что «если из общей численности погибнет 100 тысяч грузин, то из ваших [т.е. абхазов] погибнут все 97 тысяч», и посоветовал абхазскому руководителю В. Ардзинбе не допустить, «чтобы абхазская нация осталась без потомков» (см. Амкуаб, Илларионова 1992: 128). Как известно, 97 тыс. — это примерное количество всего абхазского населения Абхазии. Вскоре после этого Каркаршвили был повышен Шеварднадзе в чине До звания генерала, а впоследствии он заменил Китовани в качестве министра обороны Грузии. Другой высокопоставленный грузинский чиновник, государственный министр Грузии по Абхазии Гога Хаиндрава в интервью, данном в оккупированном Сухуме и опубликованном в апреле 1993 г., сообщил корреспонденту Французской газеты «Le Monde Diplomatique», что «абхазов всего 80 тысяч, что означает, что мы можем легко и полностью уничтожить генетический фонд их нации путем убийства 15 тысяч их молодежи. И мы вполне способны на это».

² «Абхазии [sic!] бандитско-террористическое движение», в пункте Б «Резолюции о ситуации в

исключительно проправительственный (независимо от того, что это за правительство) характер основных международных структур и их абсолютную нечувствительность к любым голосам вне признанного правительства. Именно этот, как мне представляется, устаревший подход должен быть реформирован.

Самоопределение

Во всех резолюциях Совета Безопасности ООН по Грузии/Абхазии, характерных своим односторонним прогрузинским подходом, жестким языком по отношению к Абхазии и ритуалистически повторяемыми требованиями уважения территориальной целостности и суверенитета Республики Грузия, отсутствует однако один очень важный элемент. В этих резолюциях нет ни одного слова, которое бы отражало озабоченность абхазской стороны в конфликте и законное и неотъемлемое право абхазского народа на самоопределение.

Право на самоопределение остается актуальной проблемой для международного сообщества, к которой ООН и ОБСЕ не могут или, скорее, не желают адекватно подойти. Хотя этот принцип заложен в Уставе ООН (в его 1-й статье), первенство отдается, однако, конкурирующему принципу территориальной целостности и нерушимости государственных границ. История последнего десятилетия, внезапный и неожиданный распад Советского Союза, Чехословакии и Югославии, а также отделение Эритреи от Эфиопии показали, что даже сегодня этот принцип имеет лишь относительную значимость и должен относиться скорее к насильственным изменениям границ одного государства другим государством или государствами, но никак не к образованию одного или более государств на территории прежнего государства.

По этому поводу можно отметить ряд важных моментов. Во-первых, отделение части государства, какими бы апокалипсическими ни были предсказания, не обязательно ведет к его уничтожению.

Ведь несмотря на фактическое отделение Абхазии и Южной Осетии, населенных отчетливо негрузинскими и стремящимися к независимости народами, Грузии удалось добиться весьма необходимой внутренней стабильности и пережить первые годы динамичного и сравнительно мирного развития. Во-вторых, порой бывает более разумным дать части страны статус автономии (как в случае Гагаузии в Молдавии) или даже отдельного государства, чем пускаться в кровавую, дорогостоящую и антигуманную войну, пытаясь сохранить любой ценой

территорию, как правило, населенную другим народом, который стремится к независимости. Этот феномен справедливо назван некоторыми аналитиками «агрессивным интеграционализмом», и он полностью относится к таким странам, как Грузия, так же как и к некоторым другим многонациональным государствам, которые в ходе своей истории инкорпорировали или аннексировали территории с их коренным населением. Как подчеркивает Гидон Готлиб в своей книге «Нация против государства» (Gotlieb 1993: 19-20), «отказ в государственности народам, которые ведут длительную и болезненную борьбу или которые продолжают сопротивляться иностранному правлению, становится все труднее оправдать, даже если императив ограничения числа новых государств становится все более насущным». Во время неформальных обсуждений этих проблем с высокопоставленными чиновниками ООН абхазской делегации в Женеве напомнили, что много кровопролития в мировой истории было вызвано борьбой за самоопределение. По крайней мере два контраргумента можно привести против этого утверждения, типичного для современного подхода ООН к проблеме самоопределения.

Во-первых, подавляющее большинство нынешних государств-членов ООН обязаны своему возникновению именно осуществлению своего права на самоопределение, часто путем вооруженной борьбы, наиболее известным примером чему являются Соединенные Штаты Америки. В более недавнее время пятнадцать государств, бывших республик Советского Союза, бывшие союзные республики Югославии, а также Словакия и Эритрея возникли как независимые государства путем реализации своего права на самоопределение, отделения от других государств и изменения международно признанных границ и были признаны международным сообществом. Кстати, большинство этих последних примеров показывает, что сама по себе реализация права на самоопределение не обязательно ведет к насилию и кровопролитию и «развод» может быть оформлен мирным и цивилизованным образом.

Во-вторых, оправдывая свои военные действия необходимостью сохранения территориальной целостности государства, «агрессивный интеграционализм» может привести к не меньшему насилию и кровопролитию, чем это обычно приписывают стремлению к самоопределению. Примеров тому достаточно много, но наиболее близкими мне являются кровавые войны, которые вели Грузия против Южной Осетии и Абхазии и Россия против Чечни.

Обсуждая формы самоопределения, я бы хотел сделать особый акцент на случаях, когда конкурирующие принципы территориальной целостности и права на самоопределение могут, хотя это и звучит парадоксально, мирно сосуществовать.

Это может произойти тогда, когда отдельная территория согласна ограничить свои требования на внутреннее самоопределение, что означает образование малого государства, которое осуществляет свой внутренний суверенитет, или внутреннюю независимость, не порывая с большим государством, в чьи границы оно заключено. И это как раз случай с Грузией и Абхазией. Можно долго спорить о том, как назвать такое сложносоставное государство: конфедерация, широкая федерация, или ассоциированные территории. Что здесь на самом деле важно, какое бы оно ни носило название, так это то, что сохраняется согласие между различными этническими компонентами большего государства, что границы его остаются неизменными и что население всех частей бывшего унитарного государства живет в условиях мира.

Подобные процессы федерализации идут полным ходом в наши дни параллельно с более заметной интеграцией Европы. Мы видим федерализацию Бельгии и создание отдельных фламандского и валлонского парламентов, мы наблюдаем процесс децентрализации и деволюции власти в Великобритании и создание шотландского и уэльского парламентов, а также кампанию за федерализацию Италии. Вопреки опасениям, что такие меры ослабляют государственную стабильность, можно утверждать, что они, напротив, могут вести к усилению данного государства, так как позволяют ему избежать в будущем разрушительного взрыва, вызванного долго подавляемым недовольством национальных меньшинств или отдельных территорий.

Деволюция центральной власти, совместная ответственность, совместный суверенитет, внутреннее самоопределение, внутренний суверенитет, внутреннее самоуправление малых наций внутри большего государства — все эти проблемы, если к ним адекватно подойти, представляют многообещающую перспективу для многих стран, которые десятилетиями безуспешно борются с призраком «сепаратизма» ценой затраты огромных финансовых, военных и человеческих ресурсов. Подобные решения, как представляется, могут служить не в качестве дестабилизирующего, а напротив, стабилизирующего фактора для данного государства, поскольку они позволяют ему добиться жизненно важного внутреннего сцепления между его этнически гетерогенными компонентами.

347) Обоснованность абхазских претензий на отдельную государственность

Прежде чем перейти к описанию ситуации вокруг грузино-абхазского мирного процесса, я бы хотел сказать несколько слов об абхазах и их стране с точки зрения обоснованности претензий абхазского народа на государственность и суверенитет.

Абхазы говорят на языке, не родственном грузинскому. Они обладают своей собственной отличной культурой и историей. Абхазы никогда не были, никогда себя не рассматривали и никогда не рассматривались грузинами либо каким-либо иным народом в качестве части грузинской нации. За исключением коротких интервалов, они всегда имели независимую государственность либо весьма высокую степень политической самостоятельности.

Абхазы, живущие в Абхазии, — преимущественно (православные) христиане (около 60%) либо мусульмане-сунниты (около 40%)¹. Большинство абхазских мусульман было депортировано российской царской администрацией в Османскую империю во второй половине XIX в. в качестве наказания за яростное сопротивление абхазов российской оккупации и колонизации Абхазии². Это объясняет, с одной стороны, наличие в Турции и некоторых других ближневосточных странах довольно значительной абхазской диаспоры³, и с другой — то обстоятельство, что на своей родине абхазы представляют сейчас лишь меньшинство⁴. Вопреки утверждению, что Абхазия всегда была частью Грузии, истинная историческая реальность была совершенно иной, поскольку начиная с XIII в. и вплоть до 1918 г., Грузии как единого государства просто не существовало. В VIII в. абхазы создали Абхазское царство, которое в X в. объединилось с несколькими грузинскими царствами в Абхазо-Грузинское царство. В XIII в. это объединенное царство было разрушено монголами, и начиная с того времени и вплоть до 1810 г. Абхазия всегда была независимым княжеством, тогда как Грузия распалась на ряд княжеств и «царств», которые в XIX в. одно за другим были инкорпорированы в Российскую империю. В 1810 г. Абхазское княжество, независимо от грузинских земель, вошло в Россию.

1

2

³ Точное количество абхазов в Турции неизвестно, а официальная турецкая статистика по меньшинствам отличается своей недостоверностью. Некоторые специалисты говорят о более чем 100 тыс. абхазов (см. Дзидзария 1982: 493), в то время как другие авторы оценивают их число (вместе с близкородственными абазинами) в полмиллиона (см. Марыхуба 1994: 18). Согласно результатам моей собственной полевой работы в Турции, в этой стране насчитывается не менее 250 абхазо-абазинских сел (см. Chirikba 1997). Кроме того, довольно большое количество абхазов живет сейчас в городах. Наиболее значительные абхазские общины находятся в Стамбуле, Анкаре, Дюздже, Инегёле, Биледжике, Эскишехи-ре, Самсуне и Синопе. Кроме Турции, около 5 тыс. абхазов проживает в Сирии (информация от сирийских абхазов); более мелкие абхазские колонии можно найти в некоторых других ближневосточных странах. Абхазские колонии (состоящие преимущественно из турецких абхазов) имеются также во многих западноевропейских странах, в таких, как Германия (около 3 тыс.), Нидерланды, Бельгия, Франция, Великобритания, Швейцария и Австрия. Маленькая абхазская община в Нью-Джерси, США, представлена в основном иммигрантами из Сирии.

⁴ Помимо насильственной эмиграции в Турцию, другим фактором, повлиявшим на резкое уменьшение удельного веса абхазов в Абхазии, являлось переселение (часто насильственное) из Грузии в Абхазию десятков тысяч грузин. Эта переселенческая политика, которая ставила целью изменение демографического баланса в Абхазии в пользу этнических грузин, успешно проводилась коммунистическими властями Грузии вплоть до 1992 г., но особого размаха она достигла в 30-е и 40-е годы, в период правления Сталина и Берии.

Даже в составе России Абхазскому княжеству под правлением князей Чачба удалось сохранить свою политическую автономию до 1864 г., в то время как все грузинские земли были сведены до обычной провинции Российской империи.

Часто утверждается, что автономный статус был дарован Абхазии большевиками, предположительно для того, чтобы ослабить суверенитет Грузии. Опять-таки, реальная ситуация была совершенно иной. После русской революции 1917 г. Абхазия была все еще независима от Грузии. 8 ноября 1917 г. конгресс абхазского народа сформировал абхазский парламент (Абхазский народный совет), который принял свою Декларацию и Конституцию. 11 мая 1918 г. на Батумской мирной конференции была провозглашена Горская (Терская) республика, которая объединяла весь Северный Кавказ и Абхазию. В том же году Абхазия была оккупирована войсками соседней Грузии, которая объявила Абхазию частью Грузии и арестовала членов абхазского парламента, что вызвало протесты со стороны командования союзных (британских) войск в Закавказье и русской Белой армии. В 1921 г. Абхазия и Грузия были советизированы. 31 марта 1921 г. была провозглашена независимая Советская Социалистическая Республика Абхазия. 21 мая 1921 г. большевистское правительство Грузии официально признало независимость Абхазии. Но в том же году под давлением Сталина и других влиятельных грузинских большевиков Абхазия была вынуждена заключить союзный (конфедеративный) договор с Грузией. Абхазия все еще оставалась союзной республикой до 1931 г., когда ее статус по воле Сталина был понижен от союзной до автономной республики в составе Грузии. Этот акт инкорпорации Абхазии в Грузию был совершен без одобрения и помимо воли абхазского народа и вызвал массовые протесты в Абхазии.

Таким образом, образование Абхазской Автономной Республики в составе Грузии было не результатом якобы дарования автономного статуса одному из меньшинств Грузии, как это нередко преподносится, а напротив, насильственной конвергенцией двух соседних государств путем инкорпорации одного из них, Абхазии, в состав другого, Грузии.

Другим типичным недоразумением является тезис, согласно которому принятием определенных конституционных актов в 1990—1992 гг. Абхазская Республика провозгласила свою независимость от Грузии. На самом деле Абхазия никогда не объявляла о своем отделении от Грузии. Все акты, принятые Абхазией начиная с 1990 г. были направлены на защиту ее автономного политического статуса, что было необходимо ввиду многочисленных деклараций, сделанных ведущими грузинскими политиками о том, что они сомневаются в легитимном

характере автономий в Грузии и даже собираются их всех упразднить и преобразовать Грузию в унитарное государство.

Декларация о суверенитете Абхазии, принятая абхазским парламентом в 1990 г., была призвана защитить федеральный статус республики от ее игнорирования или упразднения тбилиским правительством. Абхазия приняла этот акт вслед за аналогичными актами, предпринятыми всеми другими бывшими автономными республиками Советского Союза, и ни в одном из этих случаев это не означало отделения их территорий от метрополий.

Возвращением в 1992 г. к Конституции Абхазской Республики 1925 г., согласно которой отношения между Абхазией и Грузией основывались на особом союзном договоре, Абхазия пыталась преодолеть конституционный вакуум в ее отношениях с Грузией, который возник после отмены Военным советом Грузии всех конституционных актов, принятых в Грузии в советское время и после возврата Грузии к Конституции Грузинской Демократической Республики 1921 года, в которой автономный статус Абхазии не был определен.

Принятием новой Конституции 1994 г. Абхазия порвала последние нити, связывающие ее со старым коммунистическим режимом и провозгласила Абхазию суверенным демократическим государством. Конституция Абхазии не оговаривает формы ее отношений с Грузией, поскольку они должны быть определены в результате политических переговоров с Грузией. Статус Абхазии и форма ее отношений с Грузией не определены также и в новой Конституции Грузии.

Война Грузии против Абхазии

В 1991 г. Советский Союз распался. В мае 1991 г. первым президентом независимой Грузии стал пламенный националист Звиад Гамсахурдиа, который фактически провозгласил лозунг «Грузия для грузин». Год спустя Гамсахурдиа был смещен в результате государственного переворота, организованного военными и бывшими преступниками Тенгизом Китовани и Джабой Иоселиани. Старый коммунистический вождь Грузии Эдуард Шеварднадзе, который воспринимался на Западе как «демократический» политик во время его работы на посту министра иностранных дел СССР, был приглашен править страной, хотя его репутация демократа подвергалась сомнению как самими грузинами, так и бывшими автономиями в Грузии, слишком хорошо знавшими Шеварднадзе как преданного брежневца, который в течение более десяти лет правил Грузией железной рукой. Поскольку новое грузинское руководство объявило все законы, принятые в

советское время, недееспособными, руководство бывшей Автономной Республики Абхазия, чтобы защитить политическую автономию Абхазии от игнорирования, предложило проект договора, согласно которому Грузия стала бы федеративным государством, составной частью которого была бы Абхазская Республика. Ответом Грузии на эту инициативу было предпринятое 14 августа 1992 г. широкомасштабное военное нападение на Абхазию. Грузинские лидеры объявили, что в новой Грузии автономий не будет. Однако недисциплинированная и плохо обученная грузинская армия потерпела унижающее поражение. Большинство этнических меньшинств Абхазии (армяне, русские, украинцы, греки, турки и др.) объединились с абхазами в их борьбе против агрессоров. Кроме того, представители родственных народов северокавказских республик, особенно чеченцы, адыги и абазыны, прибыли в Абхазию и сражались на стороне абхазских сил. Война окончилась в конце сентября 1993 г. решительной победой абхазской армии и ее северокавказских союзников.

Российскую военную помощь абхазам, о которой ходит немало слухов, не следует слишком преувеличивать, как это делается практически во всех грузинских и во многих западных публикациях. Во-первых, не было никакого прямого участия российских войск в каких-либо абхазских операциях, в них участвовали русские и казачьи добровольцы (Грузия, в свою очередь, пользовалась услугами боевиков из Западной Украины). Несмотря на противоположные утверждения, никто еще не привел убедительных доказательств такого прямого участия. Например, делегации ООН (Организация непредставленных народов), которая посетила Тбилиси в конце 1993 г., не удалось получить от грузинской стороны достаточно надежных свидетельств подобных утверждений¹. Можно конечно говорить, что случаи бомбардировки грузинских позиций на гумстинском фронте российскими военными самолетами могут служить доказательством такого прямого участия. Но русские военные и сами не делали большого секрета из этих рейдов, объясняя их тем, что они были спровоцированы грузинскими артиллерийскими обстрелами российской военной лаборатории в Эшере, которые вызвали многочисленные жертвы, в том числе и смертельные случаи, среди российского персонала лаборатории. Любая война в некотором смысле является прибыльным бизнесом, а война в Чечне показала, что, как это ни парадоксально, некоторые российские военные продавали оружие чеченской стороне для того, чтобы делать деньги. И в грузино-абхазском конфликте также все оружие обеих сторон имело, в конечном счете, русское происхождение. Различие было лишь в том, что в то время как Грузия получала от

¹ Overeem P. 1995. Report of a UNPO Coordinated Human Rights Mission to Abkhazia and Georgia // Central Asian Survey. Vol. 14. No. 1, P. 138.

России огромное количество вооружения и снаряжения бывшей Советской армии даром (в соответствии с Ташкентским соглашением стран СНГ, а также через многие другие неофициальные каналы), Абхазия была вынуждена покупать оружие у частей российской армии, расположенных в Абхазии и за ее пределами. Русские военные не имели никакого психологического барьера против продажи оружия любой из сторон, хотя можно полагать, что в целом их личные симпатии больше склонялись на сторону абхазов, которые были в меньшинстве и поэтому более уязвимыми. Продажа им оружия рассматривалась как справедливый бизнес, — это компенсировало численное меньшинство абхазов. Кроме того, много оружия проникало в Абхазию через Северный Кавказ и, возможно, через диаспору.

Одним из неожиданных последствий абхазской победы стал массовый исход этнических грузин (или вернее картвелов, т.е. грузин, мегрелов и сванов) из Абхазии. Во время грузинской оккупации части Абхазии многие местные грузины сотрудничали с войсками, посланными из Тбилиси, и вместе с этими войсками были ответственны за убийства и другие зверства так же, как за грабежи своих абхазских, армянских и русских соседей. После абхазской победы картвельское население республики в своей массе бежало, опасаясь возмездия.

Грузинская сторона обвиняет Абхазию в этнической чистке грузинского населения республики. В ответ на эти обвинения абхазская сторона заявила, что грузинское население территории Абхазии к югу от Сухума бежало в Грузию и в другие места *прежде* прихода туда абхазских войск, и что абхазское правительство не проводило политики и не имело намерений изгнания из Абхазии грузин либо какой-нибудь иной этнической группы.

В действительности, после того как в результате ожесточенных боев абхазским силам удалось вернуть контроль над Сухумом, никаких значительных боев между абхазскими и грузинскими войсками больше не было, поскольку последние, деморализованные поражением в Сухуме и стремительным абхазским наступлением, в панике устремились, нередко бросая свое тяжелое вооружение, к грузинской границе либо к сванским горам, совершенно аналогично тому, как это ранее случилось в Гагре. Это паническое отступление вызвало в свою очередь сильную панику среди местного гражданского грузинского населения, которое в массе последовало за бегущими грузинскими солдатами, так что когда победоносные абхазские силы вошли на ранее оккупированную территорию своей республики к югу от Сухума, они обнаружили в городах и селах в основном лишь покинутые грузинские дома. Согласно заявлению Верховного Совета Абхазии от 11 октября 1993 г., «местное грузинское население, которое в течение длившейся год

войны либо было свидетелем, либо участвовало в преступлениях грузинских солдат против гражданского абхазского, армянского, русского и греческого населения (в основном стариков, женщин и детей) ... предпочло покинуть Абхазию, опасаясь актов мести».

В октябре 1993 г. миссия ООН по правам человека была послана Генеральным секретарем с целью расследования случаев нарушения прав человека, особенно сообщений об этнических чистках. В своем отчете миссия оговорила, что ей не удалось выявить, осуществляли ли власти какой-либо из сторон на каком-либо этапе конфликта активную политику чистки подконтрольной им территории от абхазского либо грузинского населения; в то же время доклад миссии ясно констатирует, что большинство грузин, живших в районе между реками Гумста и Ингури, пытались бежать до прихода абхазских войск¹.

Кстати, некоторые более объективные грузинские авторы также предпочитают не эксплуатировать спорный термин «этническая чистка», говоря вместо этого о массовом бегстве грузин из Абхазии².

Тем не менее, официальный Тбилиси, который пытается набрать очки в пропагандистской войне против Абхазской Республики, продолжает свои обвинения в «этнической чистке и геноциде грузинского населения Абхазии», отказываясь в то же время от всякой ответственности за развязывание войны в Абхазии в августе 1992 г. и за установление режима террора на оккупированной территории Абхазии.

Мирный процесс

Переговорный процесс между Грузией и Абхазией, который начался в декабре 1993 г. в Женеве под эгидой ООН и при посредничестве Российской Федерации, породил вначале довольно обещающие документы; одним из наиболее важных была «Декларация о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», подписанная 4 апреля 1994 г. в Москве. Декларация подчеркивала желание сторон восстановить прерванные государственно-правовые связи и наметила контуры будущего совместного государства. Согласно Декларации, Абхазская Республика будет иметь собственную конституцию, парламент и правительство, а также соответствующие государственные символы. Документ определил сферы отдельной и совместной грузино-абхазской

¹ UN Document S/26795.

² Gachechiladze R., 1995. *The New Georgia. Space, Society, Politics. Changing Eastern Europe 3*. London: UCL Press, pp. 43, 178. Согласно данным Грузинского государственного комитета по делам беженцев и перемещенных лиц, около 160 тыс. беженцев из Абхазии были официально зарегистрированы и размещены в 63 районах Грузии, см. «The Georgian Chronicle», февраль-март 1994, цит. в: Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе (под ред. Бруно Коппитерса). М., 1996. С. 65.

компетенции. Абхазия делегирует некоторые из ее государственных полномочий, такие как внешняя политика и внешние экономические связи, пограничная служба, таможня, энергетика, транспорт и коммуникации, экология, гражданские и гуманитарные права и права национальных меньшинств, федеральным органам власти. Все другие полномочия останутся прерогативой Абхазского государства. Декларация была подписана сторонами, участвующими в конфликте, представителями России, ООН, ОБСЕ в присутствии министра иностранных дел России и Генерального секретаря ООН, а также многих западных дипломатов.

Сравнительная стабилизация ситуации в Абхазии и размещение миротворческих сил СНГ и военных наблюдателей ООН на границе между Абхазией и Грузией вдоль реки Ингури позволили приблизительно 70 тыс. грузинских (в основном мегрельских) беженцев вернуться в свои дома в Гэльском районе Абхазии. Однако эти люди терпят лишения от разрушенной экономической инфраструктуры Абхазии и от большого количества мин, которые были установлены в ходе войны и до сих пор продолжают устанавливаться грузинскими диверсионными группами.

Тем не менее политический процесс мирной реинтеграции Грузии и Абхазии, предусмотренный Декларацией от 4 апреля 1994 г., не имел своего продолжения и ситуация изменилась к худшему. Грузия, оправившись от шока, нанесенного военным поражением, начала пересматривать основные положения Декларации от 4 апреля и попыталась решить проблему Абхазии путем сепаратных военных соглашений с Россией и усиления политического давления на Абхазию. Во время визита в 1995 г. российского премьер-министра Черномырдина в Тбилиси была достигнута договоренность о том, что Россия окажет помощь Грузии в восстановлении ее контроля над Абхазией взамен на сохранение в Грузии пяти российских военных баз сроком на 25 лет. Эти договоренности вызвали резкий протест в Абхазии. Вместо того чтобы попытаться разрешить свои противоречия с Абхазией путем взаимных компромиссов, Грузия, исходя из ложной предпосылки, что военное давление и экономическая блокада могут заставить Абхазию отказаться от ее курса на суверенитет, предпочла вновь заявить о себе, как это уже было в ХГХ в., в качестве главного военного союзника и опоры России в Закавказье. ООН поддерживает вновь обретенный жесткий подход Грузии, обвиняя, как обычно, Абхазию в срыве переговоров. Российская поддержка породила в Грузии новые надежды на то, что абхазская проблема может быть разрешена совместными российско-грузинскими военными действиями в Абхазии. Призрак новой войны

замаячил над регионом¹.

Политическое примирение между Грузией и Россией ознаменовалось полной российской блокадой Абхазии, направленной на удушение ее гражданского населения. Начиная с 1995 г. Россия установила морскую и сухопутную блокаду Абхазии, закрыла свою границу, отказалась признавать абхазские паспорта и отказывает абхазским гражданам в выезде за границу. С апреля 1997 г. Россия отключила все телефонные линии, соединяющие Абхазию с внешним миром, установив таким образом информационную блокаду маленькой республики. Все это вызвало серьезные сомнения в способности России выступить в качестве посредника, поскольку такая позиция требует нейтрального и равного подхода к обеим сторонам в конфликте.

¹ Опасная эскалация напряженности была обязана ряду заявлений, сделанных грузинскими лидерами, а также акциям, предпринятым российскими военными в Абхазии. Так, в интервью, опубликованном в «Независимой газете» (29 июня 1994 г.), грузинский лидер Шеварднадзе объявил, что так называемый Совет Министров Автономной Республики Абхазия, находящийся в Тбилиси, скоро переедет в Гальский район. В своем заявлении от 29 июня, Верховный Совет Абхазии охарактеризовал заявление Шеварднадзе как «провокационное» и выразил глубокую озабоченность действиями миротворческих сил, которые, допустив неконтролируемое массовое возвращение беженцев, вызвали дестабилизацию! ситуации в регионе. Напряженность в Абхазии существенно возросла в связи с заявлениями, сделанными грузинскими официальными лицами в Тбилиси около 15 мая и 15 июля 1995 г., которые призвали к массовой репатриации грузинских беженцев в Абхазию. Заявления, сделанные по этому поводу в начале июля российским командующим миротворческими силами СНГ, который поддержал массовое и неконтролируемое возвращение и пообещал репатриантам защиту своими вооруженными силами, вызвали резкую критику абхазского правительства, которое заявило, что это может привести к возобновлению военных действий. В конце концов объявленный план по массовой репатриации был приостановлен. В сентябре 1995 г. высокопоставленная российская делегация, возглавляемая премьер-министром Виктором Черномырдиным, посетила Тбилиси. 15 сентября стороны заключили ряд соглашений, включая соглашение по российским военным базам в Грузии, в том числе по базе в Гудауте, и заявили о своей поддержке принципа территориальной целостности и нерушимости существующих границ, осудив «агрессивный сепаратизм и терроризм в любой форме» (см. S/1995/937). Российско-грузинская сделка по военным базам и неожиданно объявленные на 30 сентября 1995 г. военные учения миротворческих сил СНГ, явно рассчитанные на оказание давления на Абхазию, вынудили привести абхазские боевые силы в состояние повышенной боевой готовности. Учения планировалось провести в Гальском районе Абхазии, параллельно с вводом туда батальона СНГ, личный состав которого состоял преимущественно из грузин. Вслед за этим батальоном, предполагалось введение в Гальский район частей грузинской полиции. Эти планы совпали по времени с заявлением Шеварднадзе, согласно которому проблема Гальского района будет решена в течение ближайших не скольких дней, и суверенитет Грузии над этим районом Абхазии будет восстановлен (см. Заявление абхазского парламента от 4 октября 1995 г.). 20 марта 1996 г. отношения между абхазскими властями и российскими пограничными частями в Абхазии вновь обострились. Российский военный корабль № 040 без разрешения абхазских властей вошел в Сухумскую бухту и, арестовав украинское торговое судно «Вега», вынудил его пройти в ближайший русский порт Сочи. Этот инцидент, который случился во время визита Шеварднадзе в Москву, был предположительно рассчитан как прогрузинский жест. Во время визита Шеварднадзе Россия уступила грузинским требованиям, чтобы все иностранные суда, приходящие в Абхазию даже с гуманитарными грузами должны проходить таможенный контроль в грузинском порту Поти. Кроме того, было решено, что Россия не будет позволять посадку на борт судов в Сухумском порту пассажи ров либо загрузку грузов, что означало почти полную морскую блокаду Абхазии. В своем заявлении от 21 марта 1996 г. абхазское правительство выразило протест против этих мер, рассматривая их как принятые односторонне в пользу Грузии и как вмешательство во внутренние дела Абхазии. 2 июля 1996 г. пост абхазской милиции на Гальском канале был обстрелян из гранатометов и стрелкового оружия. В конце сентября 1996 г. Грузия провела военные учения вблизи зоны конфликта, что противоречило соглашению о прекращении огня от 14 мая 1994 г. Эти и некоторые другие события серьезно осложнили обстановку

Результатом сепаратных грузино-российских договоренностей, ущемляющих Абхазию, явилось то, что процесс мирных переговоров почти зашел в тупик, а перспективы мирного урегулирования так же далеки, как они были в начале переговоров в Женеве в декабре 1993 г.

Возможные пути выхода

Несмотря на такое негативное развитие событий, мне все же представляется, что грузино-абхазский конфликт является одним из наиболее успешно регулируемых среди конфликтов на территории бывшего Советского Союза и что имеется достаточно оснований для оптимизма в том случае, если стороны смогут преодолеть чувствительные психологические барьеры и продемонстрировать достаточно политической воли для компромисса.

Недавняя история грузино-абхазских отношений показала, что обе стороны в конфликте обладают недостаточной силой или возможностями для того чтобы добиться преследуемых политических целей: Грузия — чтобы подавить военным путем Абхазию и ликвидировать ее политическую автономию, Абхазия — чтобы добиться своего международного признания как независимого государства. Это создает для обеих сторон пространство для компромисса.

Имеются по крайней мере две чрезвычайно важные позиции, которые могли бы обеспечить быстрый прогресс в грузино-абхазском мирном процессе.

Во-первых, в отличие от Юго-Осетинской автономии Грузия никогда официально не упраздняла Абхазскую Автономную Республику, по-прежнему рассматривая ее как автономное государство.

Во-вторых, в отличие от Чечни в России или Карабаха в Азербайджане Абхазия никогда официально не декларировала свою независимость от Грузии. Это означает, что как Грузия, так и Абхазия по-прежнему признают, де-юре и де-факто, существование Абхазского государства.

Эти чрезвычайно важные позиции могут создать довольно оптимистические перспективы для раннего урегулирования грузино-абхазского конфликта. Важнейшим вопросом на данный момент является то, как примирить суверенный статус Абхазской Республики в общем государстве с Грузией с требованиями Грузии на суверенитет над всей ее территорией.

Очевидный дипломатический тупик, которым характеризуются нынешние грузино-абхазские отношения, может быть нейтрализован, как я описал выше, путем

внутреннего самоопределения. В соответствии с этой формулой Абхазская Республика останется в международно-признанных границах Грузии и будет пользоваться широкой политической автономией, сохраняя свою конституцию, парламент, правительство и государственные символы, а также национальную армию и в то же время делегируя ряд важных государственных функций, таких как пограничная служба, таможня, транспорт и коммуникации, внешняя политика и т.д., общегосударственным органам: федеральному парламенту и правительству. Вне компетенции федеральных институтов как Абхазия, так и Грузия будут обладать полным суверенитетом в своих внутренних делах на территории, которая находится под контролем их избранных властей.

Подобная структура может оставаться стабильной и способна обеспечить долговременный мир только в том случае, если все части федерации удовлетворены уровнем своего суверенитета. Это вызывает необходимость создать такую конституционную конструкцию, согласно которой Грузия, Абхазия, Южная Осетия и Аджария обладали бы равными политическими правами и были бы одинаково подчинены общим федеральным законодательным и исполнительным структурам. В рамках такой конструкции каждая из составляющих республик должна обладать правом вето на те решения, принимаемые федеральными органами, которые непосредственно затрагивают их жизненно важные интересы. Если стороны согласятся на такое урегулирование, это будет стимулировать их интерес к совместной экономической деятельности и сотрудничеству и неизбежно в течение примерно пяти лет приведет к их более тесной реинтеграции.

Имеются признаки того, что по крайней мере некоторые международные структуры готовы поддержать такое решение проблемы. Так, недавно Парламентская ассамблея Совета Европы в своей резолюции от 22 апреля 1993 г. обратилось к Грузии с настоятельным призывом предоставить широкую автономию Абхазии¹. Всякая иная конструкция, основанная на принципе подчинения одного народа другому, на неравноправности субъектов федерации и на старом, советского типа сверхцентрализованном управлении из Тбилиси, могут быть заранее названы бесплодными и не могущими привнести долговременный мир в эту часть бывшей советской империи.

Международные усилия могут сыграть важную роль в убеждении сторон в необходимости достижения взаимоприемлемого конституционного урегулирования статуса Абхазии. Такие скоординированные усилия были весьма эффективны при достижении мира в Боснии и в израильско-палестинском мирном процессе. К

сожалению, в случае с Абхазией и Грузией все давление, включая военное устрашение и антигуманную экономическую блокаду, оказывается на Абхазию. Это ошибочный путь, поскольку именно поддержка непримиримой позиции Грузии на политических переговорах с Абхазией со стороны ООН, ОБСЕ и отдельных правительств фактически завела весь мирный процесс в тупик.

Такой односторонний подход должен быть радикально изменен. Очень важно не упустить момента и попытаться оживить мирный процесс сейчас, прежде чем нынешняя благоприятная ситуация изменится и мы станем свидетелями новой эскалации враждебности. Может случиться, что либо Грузия предпримет новое нападение на Абхазию, либо Абхазия, убедившись, что от Грузии невозможно добиться справедливого урегулирования, объявит свою полную независимость. Таковы реальные возможности, которые могут существенно осложнить ситуацию и уменьшить шансы на всеобъемлющее урегулирование.

Хотя участие России как посредника в переговорах является чрезвычайно важным для заключения долгосрочного урегулирования между Абхазией и Грузией, не исключено, что стол переговоров следует расширить за счет нового члена, который бы представлял страну, не имеющую прямых политических или экономических интересов в Грузии и Абхазии. Новые инициативы, свежие идеи и, возможно, новые личности необходимы для того чтобы продвинуть застопорившийся мирный процесс вперед и достигнуть в ближайшие сроки всеобъемлющего политического урегулирования, которое заложило бы основу стабильности, мира и прогресса в этой части Европы.

Библиография

Амкуаб Г., Илларионова Т. (1992). Абхазия: Хроника необъявленной войны. Часть 1. 14 августа — 14 сентября 1992 года. Москва. -

Дзидзария Г. А. (1982). Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: «Алашара».

Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе (под ред. Бруно Коппитерса). М., 1996. С. 65.

Лакоба С.З. (ред.). (1993). История Абхазии. Учебное пособие. Гудаута: «Алашара».

Марыхуба И. (1994). Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947—1989). Сборник документов. Том 1. Акуа (Сухум).

¹ Resolution 233 (97), cf. [www.coe.fr/cp/97/233a\(97\).htm](http://www.coe.fr/cp/97/233a(97).htm).

Chirikba V.A. The Distribution of Abkhaz Dialects in Turkey. In: A. Sumru Ozsoy (ed.). Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics, 10—12 October 1994. *Studia Caucasologica III*. Novus forlag — Oslo, Instituttet for samraenlignende kulturforskning, 1997: 63—88. *Chirikba V.A.* (1996), Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications. *Gachechiladze R.* (1995), The New Georgia. Space, Society, Politics. Changing Eastern Europe 3. London: UCL Press. *Gotlieb G.* (1993), Nation Against State. A New Approach to Ethnic Conflicts and the Decline of Sovereignty. New York: Council of Foreign Relations Press. *Overeem P.* (1995), Report of a UNPO-coordinated Human Rights Mission to Abkhazia and Georgia. In: *Central Asian Survey*, vol. 14, No. 1: 127—154.